

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

И. С. Кон. *Позитивизм в социологии*, Л., 1964, 206 стр.

Социологические работы представляют сегодня большой интерес для этнографа. Это в полной мере относится к монографии И. С. Кона. Позитивизм в социологии тесно связан с позитивизмом в этнографии, и для успешной критики неопозитивистских влияний в современной этнографии необходимо представлять себе историю как этнографического, так и социологического позитивизма. Кроме того, проблема методов конкретного социологического исследования, которая ставится в рецензируемой книге, имеет много общего с методологическими вопросами современной этнографической науки.

Книга И. С. Кона является, по существу, краткой историей буржуазной социологии, ее появление лишней раз напоминает о том, что марксистская история этнографии до сих пор не написана. В монографии И. С. Кона прослеживаются основные этапы эволюции позитивизма в социологии; останавливается автор и на некоторых, наиболее важных, антипозитивистских теориях. Монография начинается с установления исходного момента в развитии социологии, т. е. того периода в истории европейской общественной мысли, когда социология отделилась от социальной философии, «философии истории» XVII—XVIII вв. и превратилась в самостоятельную науку. Первая попытка определить границы социологии как науки об обществе, которая сочетала бы теоретический подход к явлениям со строгостью научного метода, была сделана в работах Сен-Симона и О. Конта. Однако в пространственных сочинениях Конта социология так и не вышла из рамок спекулятивных построений и абстрактных схем. Смысл «сравнительно-исторического» метода, разработанного Контом, заключался в стремлении расположить ныне существующие народы по «ступеням последовательного развития человечества», которые умозрительным образом сочинил автор «Курса позитивной философии» (стр. 14). Как известно, работы этнографов — представителей «классического эволюционизма» XIX в. написаны под большим влиянием позитивистского идеализма Конта и Г. Спенсера.

Традиции Конта продолжила биолого-эволюционная школа второй половины XIX в., рассматривавшая социологию как «естественную» науку. Для ученых этого направления общество было «организмом», мало чем отличавшимся от живого организма, а эволюция общества истолковывалась ими в вульгарно-биологическом, социал-дарвинистском духе как «борьба за выживание наиболее приспособленных». К ним был близок американский ученый Сэмнер, автор книги «Обычай» (1906 г.), оказавшей большое влияние и на американскую этнографию. Сэмнер, в частности, ввел в науку понятие «этноцентризма», под которым он понимал чувство превосходства собственных обычаев над чужими, присущее, по его мнению, любым социальным и этническим группам (стр. 51). Как справедливо отмечает И. С. Кон (стр. 51—52), Сэмнер подходил к общественным явлениям абстрактно и неисторично. Обратив внимание исследователей на этноцентризм как характерное общественно-психологическое явление, Сэмнер не вскрыл его корней, уходящих в историческое бытие. Факты, накопленные к настоящему времени этнографами, изучавшими этноцентризм у бесписьменных народов, позволяют предположить, что в формировании этноцентризма решающую роль играют межплеменная вражда, завоевания, столкновения экономических интересов или различие в уровне общественного развития народов-соседей, придающее их хозяйственно-культурным связям неравноправный характер. Примером плодотворного изучения этноцентризма может служить работа «Этнические отношения» Р. Редфилда, в которой он, начав с изложения идей Сэмнера, на богатом, отчасти им самим собран-

ном материале, показывает, что действительная картина отношений между различными этническими группами куда более сложна, чем это представлял себе Сэмнер¹.

Следующим этапом эволюции позитивизма в социологии была психологическая социология конца XIX — начала XX в., которая пришла на смену открыто «биологическим» теориям общества, господствовавшим ранее в позитивистской социологии. Однако она и сама являлась формой социологического натурализма, ибо общественную психологию ее представители понимали не как продукт исторического бытия, а как сумму биологически детерминированных индивидуальных сознаний. Характерным для «психологического» идеализма в социологии было учение французского социолога Г. Тарда (стр. 55). Психологизм, как известно, и поныне господствует в зарубежной этнографии, хотя сейчас его владычество не столь неоспоримо, как в 1930—1940 гг.

Справедливо критикуя психологизм, марксисты не должны забывать о том, что само по себе внимание к общественной психологии и поиски «национального характера» не только не являются предосудительными, но составляют ценную черту многих зарубежных этнографических исследований, например, американских работ по «аккультурации». Исторический материализм признает, что в истории не случается ничего, что миновало бы человеческое сознание, и призывает изучать социальную психологию. Однако это вовсе не меняет того факта, что общественное бытие есть основная стихия исторического развития, и в нем, а не в сознании индивидов, необходимо искать ключ к пониманию событий. В игнорировании этого принципа лежит коренной недостаток тех же работ по «аккультурации».

Попытка преодоления позитивистского психологизма была сделана в работах Э. Дюркгейма (гл. IV), который подверг «атомарную» индивидуалистическую социологию острой и заслуженной критике. Французский ученый стремился объяснить социальное через социальное, подчеркивая необходимость объективного рассмотрения социальных фактов. Но эта сильная сторона его теории заглушалась абстрактным социологизмом, в духе которого он сделал вывод о том, что основной силой общественного развития являются «коллективные представления». Необходимо отметить, что именно слабые, идеалистические стороны дюркгеймовского учения были подхвачены современными сторонниками функционального и структурного направлений в зарубежной этнографии, пытающимися противопоставить чисто формалистическое изучение «структуры» историческому подходу к обществу и культуре.

Явная неспособность позитивистской социологии объяснить всю сложность общественных явлений и углубляющийся кризис буржуазного общества на рубеже XIX—XX вв. вызвали антипозитивистскую реакцию в зарубежной общественной науке. Мы не можем поставить в вину И. С. Кону, поскольку темой его исследования является позитивизм, отсутствие в его монографии критического анализа учения видного идеалиста О. Шпенглера, оказавшего чрезвычайно большое влияние на реакционное направление в американской этнографии (в особенности на «культурных релятивистов» Р. Бенедикт, Б. Л. Уорфа и М. Херсковича). В работе И. С. Кона подробно исследуется учение М. Вебера (стр. 110—122). Это тем более интересно для этнографов, что (как в свое время отметил М. Г. Левин) неокантианские идеи М. Вебера и Г. Риккорта оказали значительное влияние на некоторых зарубежных этнографов-теоретиков, в частности, на Л. Уайта².

Особый интерес для этнографа представляют те разделы последней части книги И. С. Кона, где автор останавливается на усовершенствовании методов конкретно-социологического исследования, которого добиваются, и нередко успешно, зарубежные социологи. Этот прогресс, разумеется, достигнут не благодаря неопозитивистским схемам, а вопреки им. Современные зарубежные социологи, занимающиеся методологическими проблемами, критически проверяют четкость постановки проблем, определяют основные понятия, объясняют исследовательскую технику, проверяют взаимосвязь различных методов, анализируют систематизацию эмпирических данных и формализацию конечных выводов. Правомочность и значение подобных операций, правильно замечает И. С. Кон, неоспоримы (стр. 164). В зарубежной социальной науке широко используются методы квантификации, математические методы, моделирование, теория операций и игр. В области методики статистических исследований разработаны специальные процедуры, касающиеся как правил самой выборки, так и оценки ее близости к генеральной совокупности (простая случайная выборка, математическая случайная выборка, районированная и пропорционально-районированная выборка и т. п.). Плодотворным для социологов оказался и «многомерный анализ» (стр. 176—179). Подробное рассмотрение этих методов, критическое освоение которых в советской этнографии необходимо, увело бы нас в сторону от нашей задачи.

¹ R. Redfield, *Ethnic Relations, Primitive and Civilized Race relations. Problems and Theory*, New York, 1961.

² М. Г. Левин, История, эволюция, диффузия (по поводу одной дискуссии), «Сов. этнография», 1947, № 2, стр. 235—240.

Монография И. С. Кона — интересное, творческое и полезное исследование. Тем более досадно, что те полторы страницы (стр. 96—97), которые автор уделяет обзору основных направлений в этнографии XX вв., написаны, на наш взгляд, слишком бегло и не всегда точно. Нельзя согласиться с И. С. Коном, когда он причисляет Ф. Боаса к функционалистам (стр. 96)³. Видимо, автор не проводит четкого различия между описанием данного общества в его современном состоянии (как иногда говорят, «функциональным» или «синхроническим» подходом), плодотворность которого проверена многолетним опытом конкретно-полевых исследований, и позитивистско-формалистическим «функциональным» направлением в этнографии, антиисторические концепции которого подверглись резкой и заслуженной критике со стороны как этнографов-марксистов, так и передовых буржуазных ученых. Одно дело — сосредоточить все свое внимание на данном состоянии общества, его функционировании, взаимодействии его составных частей (что вполне допустимо как рабочий прием, если исследователь не забывает о том, что он имеет дело с развивающимся обществом), другое дело — принципиально игнорировать исторический подход к обществу, как это делали Б. Малиновский и Радклифф-Браун.

Книга И. С. Кона вышла тиражом всего в 2500 экземпляров, который разошелся сразу же; переиздание ее, на наш взгляд, весьма желательно. Было бы ценно, если бы в новое издание была включена глава, посвященная истории концепций и методов в этнографии в ее связи с историей социологии.

³ В рецензии на одну из книг Б. Малиновского Боас прямо отверг антиисторизм функционалистских теорий. Выдержки из этой рецензии приведены в книге: М. Негсковитс, Franz Boas, *The Science of Man in the Making*, New York, 1953, стр. 67.

С. Артаковский

М. О. Косвен. *Семейная община и патронимия*, М., 1963, 218 стр.

Выход в свет труда М. О. Косвена — одного из наиболее авторитетных исследователей вопросов первобытнообщинного строя — естественно привлекает внимание всех ученых, которые в той или иной степени интересуются этой проблемой. Рецензируемая книга является в известной мере обобщением М. О. Косвеном всех его прежних работ, посвященных общественным формам периода разложения первобытнообщинной формации.

Книга содержит семь глав, из которых первая посвящена семейной общине, а остальные шесть — патронимии.

Глава «Семейная община» состоит из двух частей. Первая из них содержит историю исследования семейной общины у различных народов, главным образом там, где она носила классическую форму и была в силу тех или других обстоятельств хорошо и подробно описана; сюда относятся в первую очередь южнославянская задруга, большая семья у русских и белоруссов, семейная община у народов Кавказа. В этой же главе рассмотрены различные точки зрения и теории, касающиеся сущности семейной общины, ее происхождения, развития и места в общественной жизни. Во второй части дана подробная характеристика семейной общины по существу и ее исторического развития. Здесь затронуты все стороны существования и развития семейной общины — названия ее у различных народов, величина общины и ее состав, взаимоотношения ее членов, хозяйственные функции и распределение труда, характеристика собственности и прав общины на нее, вопросы распада семейной общины, разделов и многие другие, которые здесь нет возможности полностью перечислить. Автор приходит к заключению о существовании двух исторических типов семейной общины — демократического и отцовского; последний является далеко не универсальным и стадияльно более поздним типом, связанным уже с возникновением частной собственности, и характеризуется, в первую очередь, деспотической властью отца или главы общины.

Если проблема семейной общины является не новой в этнографической литературе, в том числе и в советской, то представление о патронимии, как общественно-исторической форме, возникло совсем недавно. В науку оно было введено самим М. О. Косвеном в начале 1930-х гг. (см. рецензируемую работу, стр. 91—97) и довольно быстро получило признание со стороны многих советских этнографов.

По определению М. О. Косвена, «Патронимия — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» (стр. 97).